

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ
ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4752.

Воскресенье, 3-го октября 1899 г.

№ 4752

1) Антрепрен. О. В. Суловъ. 2) Г. Ф. Зарницкал. 3) Н. Ф. Черновск я. 4) С. Г. Глазуенко. 5) А. О. Клименко. 6) А. Ф. Шатковский.

Малорусская группа Городского театра.

1) Г.А. Сиеннербергъ—„Рогнѣда“. А.М. Давыдовъ—„Дуракъ“. 3) Л.Х. Южинъ—„Руальдъ“. 4) Г.Чистяковъ—„Князь“.
 5) Г.Циммерманъ—„Жрецъ Перуна“. 6) О.П. Карповъ—„Изяславъ“. 7) Л.Х. Фелоровъ—„Добрыня Никитичъ“.

„Рогнѣда“ на сценѣ Русскаго театра.

Стракствующая роза.

Розы Дуннеръ.
 (Съ нѣмецкаго).

Опера кончилась. По узкому корридолу, ведущему въ дамскія уборныя, шагомъ, медленно, задумчиво, съ низко опущенной головой, ходилъ взадъ и впередъ человекъ среднихъ лѣтъ. Большая часть уборныхъ уже опустѣла; только изъ послѣдней, у самой сцены, доносился крикливый голосъ. Вдругъ дверь ей быстро раскрылась и такъ же быстро захлопнулась, пропустивъ маленькую, закутанную по самыя уши женщину. Она приблизилась къ задумчиво шагающему человеку и таинственно прошептала:
 — Вы можете войти, господинъ капельмейстеръ. Маргитта уже готова. Отвѣта не послѣдовало.
 — Она, можетъ быть, довольна приемомъ; прощаніе вышло очень трогательное. Не правда-ли? Ну такъ спокойной ночи, господинъ капельмейстеръ.

Упорное молчаніе капельмейстера разозлило, видимо, маленькую женщину, потому что послѣднія слова были произнесены ею съ явнымъ отгѣнкомъ прони.

Но и на этотъ разъ они остались безъ отвѣта.

Только когда первно шагавшій человекъ убѣдился, что юркая, закутанная фигурка исчезла за поворотомъ корридора, онъ подошелъ—быстро къ дверямъ уборной и постучался.

Мягкій грудной голосъ далъ позволеніе войти. Онъ открылъ дверь. На встрѣчу ему поднялась молодая стройная дѣвушка въ домашнемъ капотѣ. Цѣлые каскады шелковистыхъ каштановыхъ волосъ ниспадали съ плечъ ея, обрамляя мягкой волной маленькую граціозную головку. Молча, съ какимъ-то унылымъ, беспомощнымъ видомъ протянулъ вошедшій къ ней руки и кинулся затѣмъ, совсѣмъ обезсиленный, на единственный свободный стулъ въ маленькой камеркѣ.

Долгое время оба не проронили ни слова.

— Маргитта!—Развѣ это неизбежно?—вырвалось у него, наконецъ, съ глухимъ стономъ.

Она подошла къ нему и нѣжно положила ему руку на плечо. Онъ такъ низко опустилъ голову, что не видѣлъ выраженій безконечной муки въ глазахъ ея; онъ слышалъ только голосъ ея, который звучалъ твердо.

— Да, это неизбежно, другъ мой. Онъ устремилъ на нее вопроситель-но-недоумѣвающей взглядъ.

Подавивъ сверхъестественнымъ уси-ліемъ воли крикъ отчаянія, готовый вырваться изъ груди, она стойко выдержала его взглядъ.

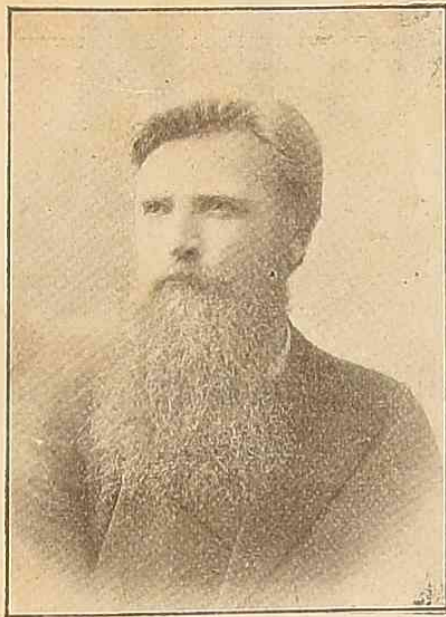
— Но почему? Почему все это сразу такъ неожиданно? Твой уходъ со сцены? съ такимъ талантомъ, Маргитта?

Она улыбнулась усталой, грустной улыбкой.

— Не великъ онъ, этотъ талантъ, другъ мой! Такихъ пѣвицъ, какъ я, можно встрѣтить дюжинами въ каждомъ театрѣ. Да и... вѣдь вы знаете... я не могла остаться... вы ради меня не должны были уйти. Такъ лучше.

Онъ опять съ болѣзненнымъ стономъ закрылъ голову руками.

— Но зачѣмъ, зачѣмъ второе, самое ужасное?! Неужели ты выйдешь за человека, котораго я не знаю, имя котораго ты мнѣ до сегодняшняго дня еще даже не сказала?

П. М. Климовичъ,

новозабранный членъ одес. городск. управы.

Она ласково погладила его по густымъ волнистымъ волосамъ, въ которыхъ съ недавняго времени начали пробиваться серебристыя нити.

— Къ чему? Это вѣдь не уменьшитъ нашихъ страданій.

Она встрепенулась. Его темно каріе глаза сверкнули гнѣвомъ.

— Не понимаю!.. Не понимаю, зачѣмъ столько муки, столько горя, котораго вынести мы не въ силахъ и которое погубитъ насъ. Да и тебя, Маргитта, съ твоей побѣдоносной красотой. Ты знаешь, что значитъ быть

† **К. М. Медвѣдева,**

по фотографіи 60-лѣтняя

связанной навѣки и любить другого, любить съ пылкой, всепожирающей страстью, любить съ дикой, ломающей всѣ преграды жадной обладанья. Узнай-же ты, испытай весь этотъ адъ!.. Но къ чему все это, Маргитта?

— Ты знаешь самъ, первый разъ въ порывѣ неизмѣримой муки съ усть ея сорвалось это нѣжное „ты“. — Ты знаешь самъ наша любовь—преступленіе предъ Богомъ и людьми.

Она вепыхнула.

— Не правда! Она чиста, какъ ты сама, дороже, ненаглядное, неразумное дитя. Она—розоватый отблескъ зари моей жизни, единственный свѣточъ въ безбрежной пустынь моего существованія.

Она схватила ея маленькія ручки и сжалъ ихъ съ бѣшеной силой.

— Маргитта, крошка моя дорогая, что понимаешь ты въ любви?! Ты приходишь и говоришь: перестанемъ любить другъ-друга, потому что мы не имѣемъ на это права, и ты думаешь, что твои милая, наивныя рѣчи, твое геройское самоотверженіе въ состояніи потушить огонь страсти? Но развѣ можешь ты приказывать бурѣ, дико бушующей въ лѣсу, замолчать? Или ручью, который, вырвавшись весной изъ своихъ ледяныхъ оковъ, мчится съ бѣшенымъ ревомъ по долинь, — остановиться? Или лѣтнему зною, чтобы

онъ не жегъ, не пылалъ яркимъ пламенемъ?.. О дитя, дитя! — ты не знаешь, чего требуешь отъ себя и отъ меня.

Весь дрожа, она прижалъ ея маленькія ручки къ своему пылающему лбу. Затѣмъ быстрымъ, рѣшительнымъ жестомъ, выпрямившись во весь ростъ, точно сбросивъ съ себя непосильное бремя, она проговорила твердо:

— Что дѣлать, ты этого хочешь.

Она печально опустила голову.

— Не усиливай моихъ мукъ... Скорѣй!.. Прощай!.. — Она протянула ему руку. — Спасибо за все, за все. Теперь и всегда!

— Дай же мнѣ хоть обѣ руки на прощаніе.

Маргитта робко протянула другую руку, судорожно сжимавшую пышную, немного странную розу, желтую съ красными пятнами.

— Возьми,—сказала она.—Это твоя любимая роза... послѣдняя.

— Маргитта! Я сойду съ ума.

— Ахъ, вѣтъ!.. не такъ! Вотъ видишь, здѣсь на стеблѣ я сдѣлала ма-

ленькій значекъ. Храни ее на память обо мнѣ!.. Она завянетъ, но ты узнаешь ее всегда по этому значку.

Въ порывѣ безумнаго отчаянія, она схватила розу и прижалъ ее къ своимъ губамъ вмѣстѣ съ изящной ручкой, храбро старавшейся не дрожать.

Она оправилась первая

— У васъ сегодня гости, другъ мой,—сказала она.—Спѣшите домой. Но не разставляйтесь съ моей розой,—вынесите, такимъ образомъ, кусочекъ вашей Маргитты съ собою.

— Откуда ты знаешь?

По лицу ея пробѣжала тѣнь смущенія.

— О, я знаю!

— Я охотно пригласилъ-бы и тебя, дорогая моя. Но крайней мѣрѣ, еще этотъ вечеръ мы были бы вмѣстѣ.— Лицо его омрачилось.—Но ты вѣдь знаешь: я не воленъ поступать, какъ-бы хотѣлъ.

— Да, я знаю, знаю, не огорчайтесь этимъ.

Она схватила ее снова за руки, по-

М. С. Флекшева,

(въ 25-лѣтію службы ея въ должности учительницы Одесск. приходскихъ училищъ).

жимая ихъ съ такою силою, точно рѣшилъ не выпускать больше никогда.

— Ну, прощай же, дорогой! Прощай!..

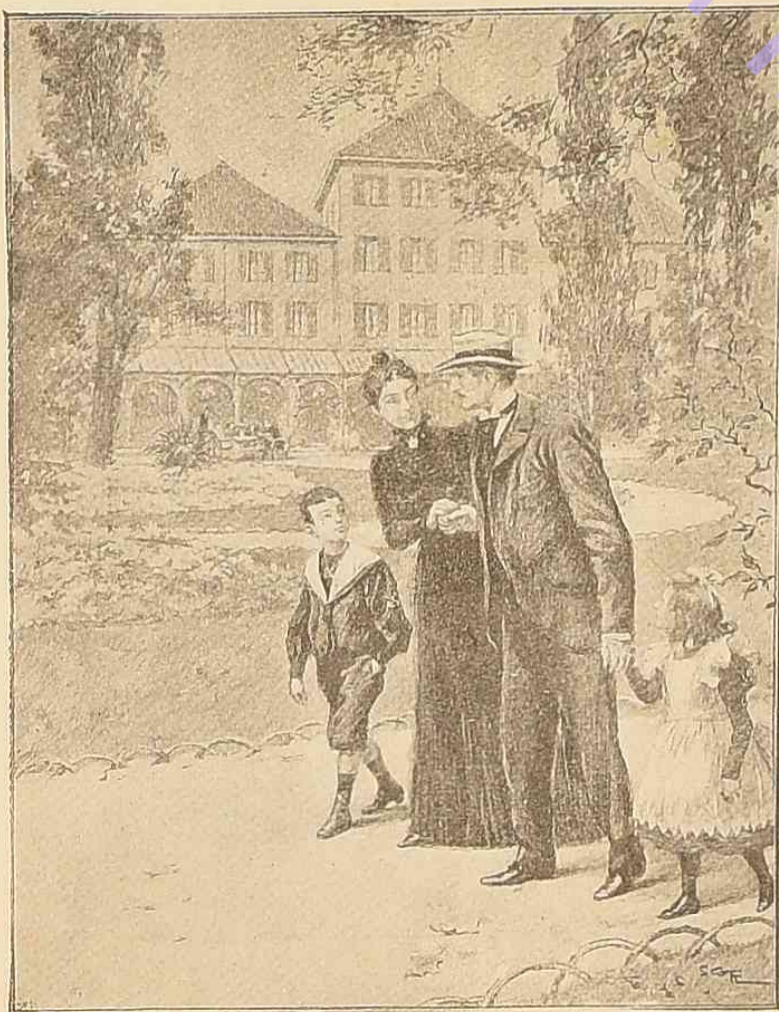
— О, дитя, дитя! Смотри, не раскаивайся никогда. Помни, что ты этого желала,—не я.

Еще разъ заглянулъ онъ ей въ глаза, нагнулся, запечатлѣлъ долгие, страстный поцѣлуй на нихъ и удалился, медленно, съ поникшей головой, какъ и вошелъ.

Когда дверь закрылась за нимъ

† **Н. М. Медвѣдева,** солистка Ея Величества артистка Императорскаго Малаго театра, въ Москвѣ.

Послѣ разлуки.—Капит. А. Дрейфусъ, его жена и дѣти въ Карпантра.

Аполлонъ Александровичъ Тригоревъ,
(по поводу 35-лѣтія со дня кончины).

Маргитта упала, словно подкошенная, на кушетку, заливаясь истерическими рыданіями.

Въ роскошно-убранной гостиной капельмейстера, въ одномъ изъ аристократическихъ кварталовъ города, уже давно собрались гости, когда вошелъ хозяинъ дома. Позднее появленіе его никого не удивило: его и не ждали раньше, всѣ знали, что онъ занятъ въ этотъ вечеръ. Только болѣе близкіе знакомые обратили вниманіе на его необычайно утомленный, грустный видъ. Точно онъ отступалъ все „Кольцо Нибелунговъ“, — замѣтилъ какой-то пріятель острякъ.

Народу было немного. Членамъ театральнаго мірка приглашенія разсылались съ большимъ выборомъ и въ ограниченномъ количествѣ. Жена капельмейстера не любила видѣть у себя „театральныхъ дамъ“, о чемъ она сама при каждомъ удобномъ случаѣ заявляла. Къ мужчинамъ относилась она снисходительнѣе. — „Они создадутъ мнѣніе общества, между тѣмъ какъ женщинамъ приходится только подчиниться ему, — говорила она, мотивируя свою несправедливость по отношенію къ прекрасному полу.“

Довольно долго задерживаемый гостями, капельмейстеръ не смогъ подойти къ женѣ. А она, между тѣмъ, метала уже не разъ гнѣвный взглядъ

Бар. Клари фонъ-Альдрингенъ.
новый австрійскій министр-президентъ.

въ его сторону. Несмотря на все свое равнодушіе къ мужу, она охотно разыгрывала въ свѣтъ роль обожаемой супруги и требовала отъ мужа при чужихъ изьявленія особеннаго почтенія и любви. За всякое униженіе съ его стороны она устраивала ему потѣмъ жестокашія сцены, и онъ остерегался сдѣлать малѣйшій промахъ въ навязанной ему роли. Вотъ, наконецъ, подошелъ онъ къ ней. Она сидѣла въ кругу своихъ избраниковъ: двухъ заслуженныхъ генераловъ, жены биржевого туза, брилліанты которой были такъ же извѣстны всѣмъ, какъ и ея многочисленныя связи, и молодого талантливаго журналиста. Молодой чело-вѣкъ пользовался въ послѣднее время особенной благосклонностью хозяйки дома. Сегодня однако онъ тоже только что явился, такъ какъ былъ въ оперѣ.

Увидя мужа, хозяйка ласково кивнула головой.

— Наконецъ-то, милый Фрицъ! Неужели прощаніе съ Андре длилось такъ долго?

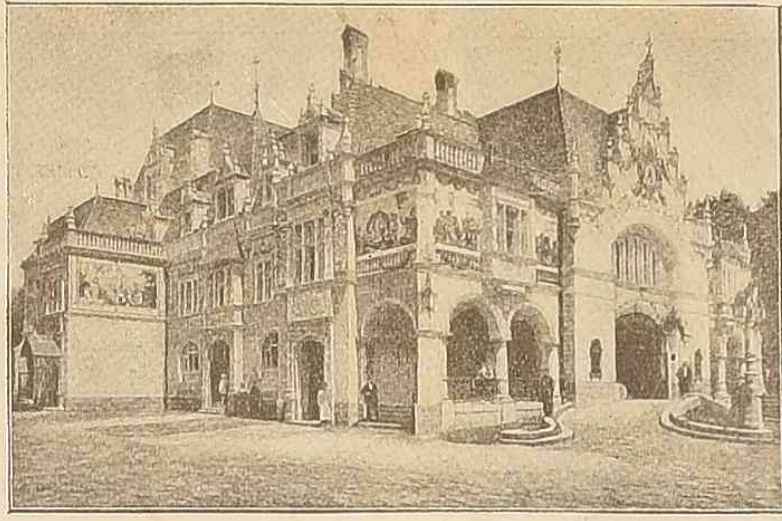
Слова эти были произнесены ею безъ малѣйшей тѣни прощанія или упрека, даже безъ особеннаго ударенія, ея обычнымъ скужающимъ, вялымъ голосомъ! Но вся кровь бросилась ему въ голову. Сердце неистово застучало въ груди при одномъ имени страстно любимой потерянной навсегда женщины. Ему казалось, что чьи-то грубыя руки обнажили вдругъ его душу: всю муку послѣднихъ часовъ вынесли на поруганіе толпы, нагло раскрыли предъ нею сокровенную грустную исторію его послѣдней любви...

Но одинъ глубокій вздохъ, — и онъ овладѣлъ собой: не впервые ему играть такую жалкую комедію! Закусивъ до боли губы, онъ приблизился къ женѣ и галантно поцѣловалъ у нея руку.

— Я очень жалѣю, что заставилъ себя ждать.

М-съ Бекеръ,
послѣдняя представительница семьи Шекспира.

Рабочій театръ Круппа въ Берндорфѣ (Австрія), открытый 4 (16) сентября въ присутствіи австрійскаго императора.

Она улыбнулась ему, томно поводя глазами.

— Не извиняйся, мой другъ. Я знаю, ты былъ занятъ. Ахъ, какъ это мило! — она выхватила розу Маргиты у него изъ петлицы сюртука, — и какой рѣдкостный экземпляръ! — Вы видите господа, какъ мужъ меня балуетъ? И это послѣ пятнадцати лѣтъ супружеской жизни!.. Да, берите примѣръ съ насъ.

Въ немъ все кипѣло. Онъ готовъ былъ вырвать у нея изъ рукъ розу и осыпать потокомъ самыхъ грубыхъ, отборныхъ ругательствъ, но долговѣ-

ная привычка сдерживать себя поборола и въ этотъ разъ первую вспышку злобы. Къ тому-же роза Маргиты для него не потеряна, — онъ зналъ слишкомъ хорошо свою жену: сыгравъ эту маленькую супружескую комедію, она осталась вполне довольна собой; цвѣтокъ самъ по себѣ ее нисколько не интересовалъ, и она, конечно, бросить его сейчасъ-же куда-нибудь въ уголокъ.

Послѣ блестящаго ужина, который, по примѣру придворныхъ, подавался почти à tempo presto, — общество опять разбилось на группы.

Подсуд. Шильдбахъ.

Подсуд. Перке.

Дѣло заправилъ московскаго городского кредитнаго общества въ судебной палатѣ въ Москвѣ

Подсуд. Грачевъ.

Подсуд. Михайловъ.

Лудвигъ Кнаусъ,
знаменитый нѣмецкій художникъ.
(По поводу 70-лѣтія со дня рожденія).

Мадамъ Валеска удалилась съ молодымъ журналистомъ въ уединенный кабинетъ мужа. Здѣсь у роляя они продолжали начатый за столомъ интересный разговоръ.

(Оконченіе слѣдуетъ).

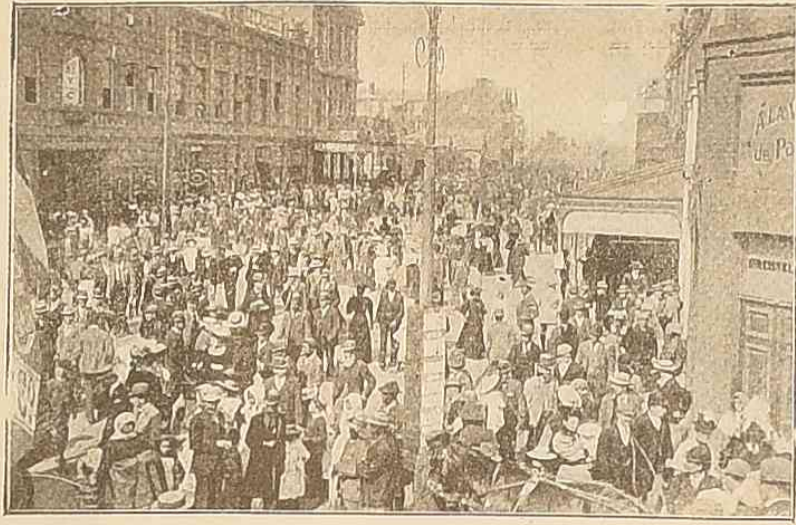
Спасательная башня на пожарахъ.

Въ «Scientific american» напечатанъ рисунокъ практичнаго спасательнаго приспособленія на пожарахъ, которое примѣняется въ нѣкоторыхъ городахъ Америки. Спасательный снарядъ представляетъ круглую желѣзную башню, помѣщенную въ нѣсколькихъ футахъ отъ строения, съ которымъ она сообщается по всѣмъ этажамъ съ помощью легкихъ мостковъ. Въ этой башнѣ устроена дорожка въ видѣ наклонной спирали, вѣчто въ родѣ кровельнаго желоба изъ хорошо полированной жести и притомъ съ такимъ наклономъ, что всякій помѣщенный туда чело-вѣкъ слегка скользитъ внизъ безъ опаснаго прогрессиванія скорости. Извѣстно, что аналогичныя приспособленія употребляются уже въ нѣкоторыхъ пангаузахъ, какъ, напр., въ парижскомъ почтамтѣ для сбереженія нѣкоторыхъ предметовъ, даже относительно хрупкихъ. Входить въ спасательную башню черезъ дверь, открывающуюся при малѣйшемъ толчкѣ, противъ каждаго этажа, и автоматически закрывающаяся посредствомъ пружинъ, благодаря чему ни огонь, ни дымъ не могутъ проникнуть во внутрь башни. Въ нижнемъ выходѣ существуетъ подобная дверь, открывающаяся при толчкѣ спустившагося внизъ тѣла. Въ случаѣ объятія пламенемъ какого-нибудь изъ среднихъ этажей, перешагнувъ въ эту запертую башню совершается безъ затрудненій. Наконецъ, центральный стержень спирали представляетъ полный металлическій шестъ съ водопроводомъ.

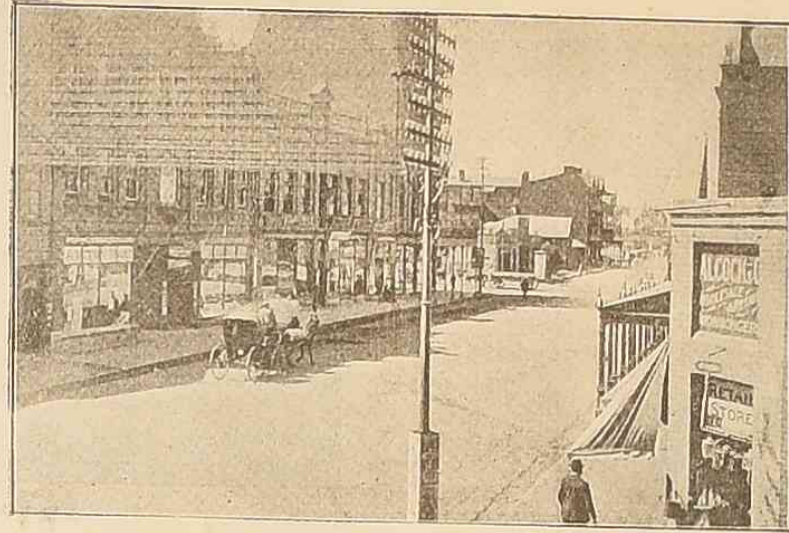
При пользованіи этимъ аппаратомъ обыкновенно спускаются сидя, — каждый листикъ

Винцентій Присницъ,
открывшій гидропатическій методъ лѣченія.

Улиця въ Йоганнесбургѣ до кризиса.

Та-же улица теперь.

В И Ч Ъ В О Й Н Ы.

тивно принимает такое положение. Но в виду умеренной скорости, спускъ совершается благополучно, развѣ только является нѣкоторая ошеломленность во время движенія, дляагося не болѣе 16 сек. при спускѣ съ 18 метровъ высоты.

Ген. Жуберъ,
главнокомандующій трансваальской арміей.

Лудвигъ Кнаусъ.

Вся Германія только что торжественно отпраздновала 70-й день рожденія знаменитаго художника Лудвига Кнаууса, одного изъ блестящихъ трезвѣдцъ, ярко свѣтащаго во всю вторую половину столѣтія съ нѣмецкаго художественнаго небосклона. Менцель, Беклинъ и Кнаусъ—эти три художника гиганта составляютъ справедливую гордость нѣмцевъ. Трудно себѣ представить теперь мало мальски значительную художественную коллекцію безъ «Кнаууса». Да и то сказать: онъ былъ такъ пло-

дотъ, что доставилъ возможность многимъ коллекціонерамъ запасти произведенія его кисти. Кнаусъ—не исключительно нѣмецкая—онъ европейская знаменитость, и въ Парижѣ, гдѣ онъ прожилъ десять лѣтъ подрядъ, его, пожалуй, не хуже знаютъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Онъ дважды получилъ медаль «Салона» и состоитъ офицеромъ ордена «Почетнаго Легиона». Его стихія—бытовой жанръ. Первая его картина, сразу выдвинувшая его, появилась въ 1849 г. и изображала «Крестьянскую пляску подъ липой»: это была шварцвальскій жанръ. Затѣмъ, слѣдовали одна за другой картины: «Похороны въ деревнѣ», «Шулеръ», «Ярмарочный воръ», «Пожаръ въ деревнѣ», «Утро посѣвъ карнавала», «Цыганскій таборъ», «Похороны въ лѣсу», знаменитая картина—«Крещеніе», «Золотая свадьба», «Мальчишескій вѣтежъ», «Ивазидъ», «Деревенская вѣдьма», «Его Высочество въ пути» и т. д., и т. д.

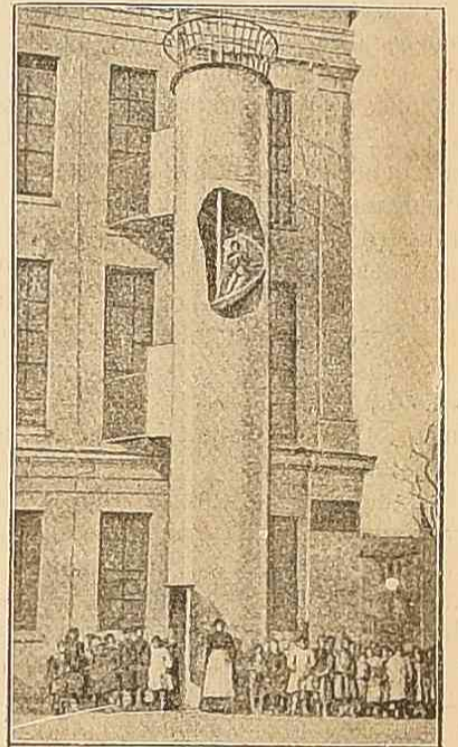
Винцентій Присницъ.

Одесса—городъ гидротатія по преимуществу. Нигдѣ въ Россіи нельзя встрѣтить столько гидротатическихъ заведеній, какъ въ Одессѣ. Одеситамъ поэтому скорѣе, чѣмъ кому-либо другому, приличествовало бы познакомиться съ «изобрѣтателемъ», если можно такъ выразиться, этого метода леченія.

Случаю, такъ много сдѣланному для медицины, угодно было и здѣсь сыграть огромную роль, и огромную услугу страждущему человечеству открытіемъ этого метода леченія суждено было оказать простому австрійскому крестьянину-пастиху Винцентію Присницу. Присницъ, родившійся (4 октября н. с. минуло тому 100 лѣтъ) въ Грешенбергѣ (Австрійская Силезія), пасъ отцовское стадо въ гористой окрестности своего села. У одного изъ горныхъ ручь-

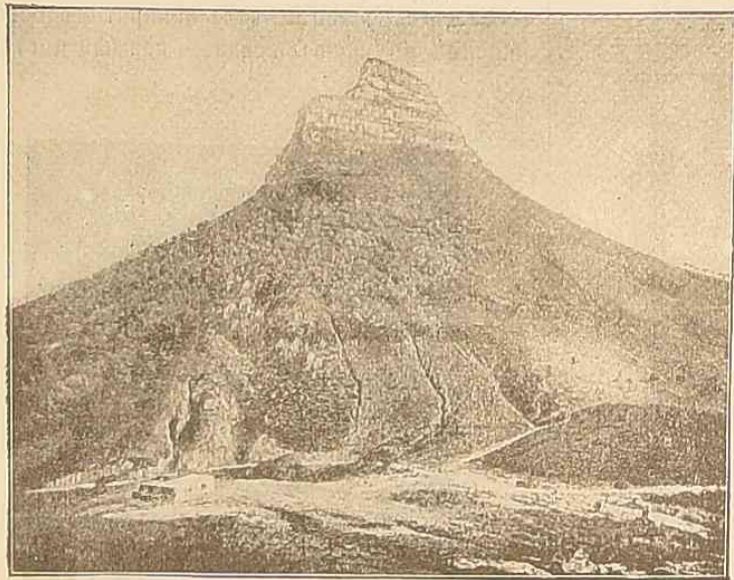
евъ, пзобилующихъ въ этой мѣстности, онъ часто отдыхалъ и здѣсь имѣлъ случай наблюдать птицъ и животныхъ, которыя обмывали пораненные охотниками члены въ ручьѣ и такимъ образомъ исцѣлялись. Когда впоследствии Присницъ раздробилъ себѣ при рубкѣ лѣса палецъ, онъ подумалъ лѣчить его по способу, подсмотрѣнному у животныхъ: онъ «купалъ» пораненный палецъ въ холодной водѣ и прикладывалъ холодные компрессы. Благоприятный результатъ не заставилъ себя ждать... Въ 1816 г. Присницъ попалъ подъ нагруженный экипажъ, жестоко помывшій его и сломавший нѣсколько реберъ. Мѣстный врачъ приговорилъ его къ смерти или, по меньшей мѣрѣ, предрекъ ему жалкое существованіе калѣки и горбуна. Но Присницъ не отчаявался. «Собственными средствами» съ грѣхомъ пополамъ вправилъ онъ ребра и сталъ обкладываться холодными компрессами: результатъ и тутъ былъ благоприятенъ. Слава о его лѣченіи быстро распространилась, и попомогу онъ расширилъ сферу applicаціи своего метода и на внутреннія болѣзни, не ограничиваясь уже одними травмами. Нато признать, что Присницъ обладалъ талантомъ, инстинктомъ, что-ли, медика: и до сихъ поръ медики поражаются рациональностью его приемовъ обмываній, обтираній, накладыванія компрессовъ, а также мѣткостью ихъ примѣненія. Популярность его до того разрослась, что его пригласили въ 1826 г. къ императрицѣ-матери. Москва однако приписывала чудо дѣйственную силу его средствъ волшебству; были даже подвергнуты специальному изслѣдованію вода Грешенбергскаго ручья, губка, которой Присницъ производилъ обтираній, и въ результатъ ему было запрещено употреблять при лѣченіи какия бы то ни было приспособленія, какъ то—губку, ванны и т. п. Вслѣдствіе этого Присницу долгое время приходилось производить обтиранія прямо рукой, пользоваться простой бадьей вмѣсто ванны и т. д. Въ 1832 г. отношеніе въ нему круто измѣ-

нилось благодаря «ревизіи» его лѣчебнаго заведенія докторомъ Тюригеймомъ: вслѣдствіе восторженнаго отзыва послѣдняго о приемахъ присницовскаго лѣченія и достигаемыхъ имъ результатахъ, грешенбергская водолачебница была официально признана. Грешенбергъ сталъ процвѣтать. Присницъ не успѣвалъ уже понастроить достаточно домовъ, чтобы приютить всѣхъ пациентовъ.

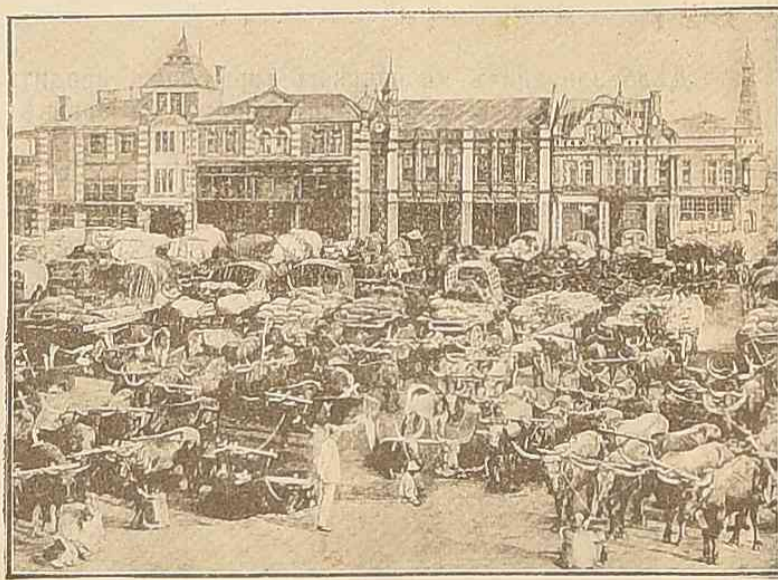

Спасательная банія на пожарахъ.

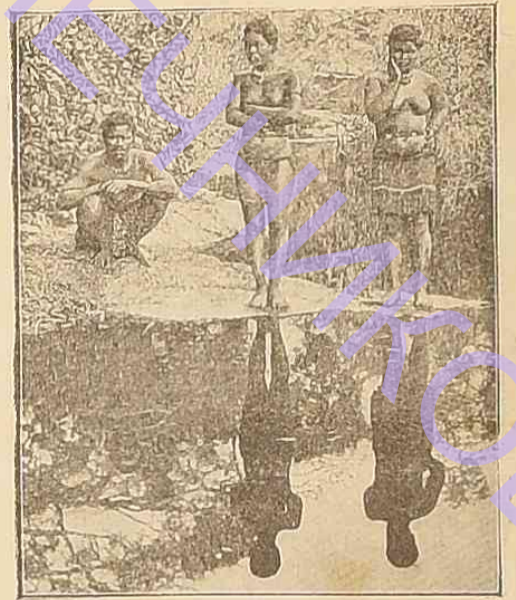
Въ 1839 году однихъ врачей, изучавшихъ его методъ, на Грешенбергъ было до 120. Присницъ умеръ въ 1851 году, но методъ его, основанная имъ область терапіи—«водолѣченіе», гидротерапія или гидротатія—продолжаетъ расширяться, и въ настоящее время, какъ мы видимъ хотя бы въ Одессѣ, приобретаетъ почти универсальное значеніе.

„Львиная голова“, гора близъ Капштадта.

Базаръ въ Йоганнесбургѣ.

Типы каффровъ.

КЪ ТРАНСВААЛЬСКОМУ КРИЗИСУ.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ

Дозволено цензурою: Одесса, 2 го октября, 1899 года.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екаторининская ул. д. Бубы.

Редакторъ В. В. Васковскій